

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ИММИГРАНТСКИЕ ГЕТТО КАК ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ДАНИИ

Е. Ю. Талалаева
Т. С. Пронина

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10

Поступила в редакцию 29.04.2020 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-4

© Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С., 2020

Геттоизация иммигрантских районов в Дании представляет собой объективный долгосрочный процесс формирования на территории государства этнорелигиозных «параллельных» обществ. Жители гетто руководствуются собственными культурно-религиозными установками, противоречащими устоявшимся демократическим ценностям датского общества. Сложившееся идеологическое противостояние общества большинства и мусульманских иммигрантских меньшинств, обусловленное совокупностью социально-экономических и политических факторов, позиционируется в датском общественно-политическом дискурсе в качестве потенциальной угрозы национальной безопасности. Прежде всего речь идет о социальной разобщенности и нарушении территориальной целостности страны, что выводит проблему на региональный и международный уровни. В статье осуществляется последовательная реконструкция ключевых этапов развития проблемы существования параллельных обществ на территории Дании с опорой на анализ публичных выступлений датских общественно-политических деятелей. В фокусе исследования также находятся официально опубликованные правительственные стратегии противодействия геттоизации обособленных иммигрантских районов: «Стратегия Правительства против геттоизации» (2004); «Гетто возвращается в общество. Борьба с параллельным обществом в Дании» (2010); «Дания без параллельных обществ — без гетто в 2030 году» (2018). Выявленная эскалация социального конфликта требует решительных действий со стороны датских властей по предотвращению анклавизации сегрегированных общин иммигрантов, что подтверждает актуальность изучения поставленной проблемы. Методологической основой исследования является дискурс-анализ, позволяющий оценить эффективность и недостатки предпринимаемых государством действий по интеграции этноконфессиональных меньшинств в единое общество. Особое внимание уделяется анализу общественной реакции на критерии составления и ежегодное опубликование официальных списков районов гетто.

Ключевые слова:

параллельное общество, этнорелигиозное иммигрантское гетто, мусульманские общины, датская иммиграционная политика, национальная безопасность Дании

Введение

В Дании «параллельное» общество на протяжении нескольких десятилетий представляет собой объективный социально-экономический и политический фе-

Для цитирования: Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С. Этноконфессиональные иммигрантские гетто как проблема национальной безопасности в современном общественно-политическом дискурсе Дании // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 3. С. 55–71. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-4.

номен, оказывающий влияние на формирование правительственных стратегий общественного развития, становление внешнего и внутреннего политического курса государства. В контексте современных датских общественно-политических реалий «параллельное» общество представлено в качестве синонима «иммигрантских гетто», население которых преимущественно составляют исповедующие ислам иммигранты незападного происхождения в первом и втором поколениях. Сегрегированные гетто являются не только фактором социальной напряженности и объектом многочисленных политических дискуссий, но и позиционируются правительством Дании в качестве потенциальной угрозы национальной безопасности и международной стабильности в европейском регионе. Прежде всего подобная позиция обусловлена нарушением единства датского социума вследствие многолетней неэффективности государственной интеграционной политики. Данное обстоятельство повлекло за собой формирование идеологического противостояния между обществом большинства, основанном на демократических ценностях, и обособленными общинами иммигрантов, придерживающихся иных культурных, религиозных и правовых норм. Актуальность исследования проблемы этноконфессиональных иммигрантских гетто в контексте датского общественно-политического дискурса подтверждается непрерывной эскалацией многостороннего конфликта, участниками которого являются правительственные власти, политическая оппозиция, датское общество и жители районов гетто.

В качестве теоретической основы статьи выступают работы, изучающие различные социально-политические аспекты интеграционной стратегии западноевропейских стран в отношении иммигрантов незападного происхождения [1—4]. Особое внимание уделено исследованиям, анализирующим влияние культурного и этнического фактора на общественно-политические настроения в отношении проблемы интеграции иммигрантов и беженцев в датское общество [5—10], и работам, изучающим роль религиозного фактора в формировании национальной идентичности мусульман, проживающих на территории Дании [11—14]. Таким образом, цель данной статьи заключается в реконструкции основных этапов становления гетто-проблематики в Дании; анализе выступлений общественно-политических деятелей по проблеме гетто как потенциальной угрозы национальной безопасности; обзор нацеленных на борьбу с геттоизацией правительственных актов и оценка общественного резонанса в различных кругах датского социума, вызванного неоднозначностью формирования официальных списков районов гетто. На основе проведенного исследования предполагается оценить эффективность действий датских властей по предотвращению угрозы со стороны этноконфессиональных иммигрантских гетто для социального благополучия датского общества, национального единства и территориальной безопасности государства.

К истории возникновения гетто как социально-политического явления в Дании

В датский общественный дискурс понятие «гетто» впервые вошло в XVII веке. В первую очередь это связано с официальным разрешением короля Дании и Норвегии Кристиана IV организовать еврейское поселение в 1634 году на территории Глюкштадта, входившего на тот момент в состав датских земель. Благодаря тому, что Дания принадлежала к числу стран реформационного движения, антисемитизм не получил глубокого развития в датском обществе. Данное обстоятельство позволило евреям постепенно получить разрешение на организацию своих общин в таких крупных городах, как Фредерисия, Орхус и Копенгаген. В связи с формированием еврейских жилых районов в датской столице начальник полиции Копенгагена

выступил перед властями города с предложением создать еврейское гетто, которое было отклонено датским правительством в 1692 году [15]. Тем не менее только в 1809 году датским евреям было предоставлено право проживания вне границ их родного города, а в 1814 году им были дарованы гражданские права [16, s. 111]. Несмотря на то, что в Дании вплоть до XX века с эмпирической точки зрения не существовало территорий, признанных властями в качестве гетто, кварталы компактного проживания еврейского населения неофициально рассматривались преимущественно в рамках данного понятия.

Лишь в начале 1900-х годов концепция гетто начинает приобретать отчетливо негативный социальный оттенок. Такая ситуация была спровоцирована массовой миграцией российского еврейского населения, вызванного серией еврейских погромов в Российской империи после гибели Александра II в 1881 году. Вследствие данных событий около 3 тысяч прибывших на территорию Дании евреев, так и не принятых своими единоверцами с уже устоявшимися датскими корнями, осели в пригородах Копенгагена, проживая по большей части в трущобах Боргергарда и Адельгада [17]. Данное событие широко обсуждалось в различных кругах общества, что нашло отражение в прессе того времени. В качестве примера можно привести выдержку из ежедневной газеты «Dagbladet», датированную 3 мая 1918 года: «Теперь они [евреи] создают свой печальный город, выстроенное случайным образом густонаселенное гетто наподобие маленьких темных птичьих гнезд в вышине. На 3, 4, 5-х этажах они живут друг над другом так же близко, как и грачи. И подобно этой черной птице, они в течение дня большими стаями рыщут за городом» [Цит. по: 17, р. 81]. Несмотря на то, что некоторые евреи, прибывшие из Российской империи, селились также и во вполне благополучных районах Копенгагена, они стремительно стали ассоциироваться с жителями вновь образованных гетто. В различных средствах массовой информации публиковались схожие статьи, поднимающие проблему гетто и описывающие аналогичные негативные черты, среди которых фигурировали бедность, низкий уровень жизни, некомфортные жилищные условия, повышенная пожарная и эпидемическая опасность [17, s. 82]. Важно отметить, что внутри таких еврейских жилых районов сохранялась приверженность собственным культурным и религиозным традициям. В частности, основным языком межличностного общения оставался идиш, тогда как знание датского оказывалось по сути не востребуемым в повседневной жизни. Впоследствии на идише стала издаваться пресса, локализованная в еврейских гетто [18, s. 102]. В течение продолжительного времени еврейские жилые районы, обособленные по культурному и этнорелигиозному признакам, представляли собой источник дестабилизации общественного спокойствия и озабоченности со стороны властей в отношении социального неблагополучия внутри гетто. Кроме того, потенциальную опасность представляли политические убеждения беженцев из России, придерживающихся коммунистических и социалистических взглядов. Однако лишь с началом массовой трудовой миграции в Данию из стран третьего мира в 1960—1970-х годах общественно-политический дискурс вокруг проблемы геттоизации иммигрантских сообществ в датском социуме получил широкий общественный резонанс.

С середины 60-х годов прошлого века концепция гетто в Дании претерпела существенные изменения вследствие нового социально-политического контекста. Ситуация начала обостряться с проникновением в датский общественно-политический дискурс многочисленных дебатов о возможности и необходимости импорта большого числа трудовых мигрантов, в которых на тот момент остро нуждалась экономика стран Западной и Северной Европы. Среди прочих сложностей, с которыми был сопряжен процесс принятия на датской территории потоков иностранных рабочих, незнакомых с демократическим укладом жизни западных государств, особо

выделялась проблема нехватки жилищного фонда для расселения вновь прибывающих гастарбайтеров. В частности, председатель Датской конфедерации профсоюзов Франдс Петерсен выступил с обращением о недопустимости предоставления жилищного приоритета рабочим иммигрантам, заявив, что «лучшим решением стало бы пребывание [мигрантов] в своего рода лагере» [Цит. по: 19, р. 403]. Таким образом, понятие «гетто» в датском дискурсе 1960-х годов преимущественно использовалось для обозначения территории компактного расселения трудовых мигрантов.

Сложившийся подход к проблематике гетто позволил социологу культуры П. Дуэлу рассмотреть данный феномен с позиции «параллельного» общества, сложившегося в контексте датских общественно-политических реалий. В 1968 году он опубликовал статью «"Параллельное" общество как новая политическая стратегия» [20], в которой отразились его взгляды, противоречащие набирающей популярность идее создания некоего альтернативного общества, которое являлось бы весомым аргументом в борьбе с господствующими в обществе социально-политическими установками. Датский социолог ставит под сомнение возможность формирования «параллельного» общества в современных условиях: «Утопично полагать, что "параллельное" общество может освободиться от остального общества, создав свои собственные институты» [21, s. 56]. Более того, согласно мнению Дуэлу, формирование внутри устоявшегося общества некой многочисленной группы людей, объединенной системой принципиально отличающихся культурных и религиозных установок, социальных норм и методов правового регулирования, так или иначе способствует обособлению данного сообщества в гетто [21, s. 55]. Таким образом, зародившееся в 1960-х годах представление о «параллельном» обществе как об общественном движении, идейно противопоставляющем себя остальному обществу, претерпевало постепенную трансформацию и уже к концу 1970-х годов принципиально изменилось.

Трансформация иммигрантского гетто в этноконфессиональное «параллельное» общество в современной Дании

С начала 1990-х годов произошел ряд общественно-политических событий, актуализирующих проблему гетто как социально неблагополучного жилого района, населенного преимущественно иммигрантами, среди которых есть беженцы, трудовые мигранты, временно пребывающие в стране и уже обосновавшиеся люди, имеющие вид на жительство или получившие гражданство, родственники, приехавшие по программе воссоединения семей. В большинстве своем выходцы из стран Азии и Африки, жители таких районов сохраняли приверженность культурным ценностям и правовым нормам ислама. Во многом данному процессу способствовал набирающий обороты кризис политики мультикультурализма, повлекший за собой ощутимую социальную напряженность в западноевропейских странах. В Дании концепция «параллельного общества» впоследствии была представлена в качестве контрдискурса для реализации идей мультикультурализма как основы единого сплоченного общества [16, s. 234—235]. Весьма показательной в описании данных событий является статья «Ислам играет важную роль для турецкой молодежи в Германии», опубликованная В. Хайтмайером в 1996 году [22]. В ней немецкий социолог представляет сегрегацию турецких мусульманских общин как формирование «трудного для понимания "параллельного общества" за гранью общества большинства» [22, S. 6]. Особую опасность в контексте данной проблемы, согласно Хайтмайеру, представляет усиление влияния фундаменталистских групп на обособленные мусульманские общины внутри мажоритарного общества, что наиболее отчетливо проявляется в отношении людей молодого возраста. Появле-

ние подобных религиозно-политических групп в форме «параллельного» общества, обусловленного как внешними общественными процессами, так и внутренней приверженностью своим культурно-ценностным и религиозным ориентирам, таит в себе потенциальную угрозу не только национальной безопасности в контексте одной страны, но и международному сообществу в целом.

Общественно-политическая актуализация термина «параллельное общество» в его современной трактовке своими корнями восходит к публичному выступлению бывшего депутата Европейского парламента от Датской народной партии Могенса Камре. В своей обвинительной речи в сторону социал-демократической иммиграционной политики, состоявшейся 10 сентября 1998 года в рамках трансляции датского информационно-развлекательного телеканала «DR1», Камре указал на фактическую неспособность Дании осуществить успешную интеграцию постоянно растущего числа иммигрантов из стран третьего мира, не стремящихся разделить датские культурные ценности и формирующих внутри государственных границ мусульманские гетто [Цит. по: 16, р. 78—79]. Впоследствии Камре в качестве основной причины формирования мусульманского параллельного общества обозначил нежелание вновь прибывающих мигрантов интегрироваться в демократическое датское общество, что выражается в их стремлении «следовать установленным правилам отсталых мусульманских стран, противодействуя интеграции как официальной политике» [23]. Подобная позиция существенно сблизила понятия «гетто» и «этноконфессиональное параллельное общество» в рамках общественно-политического дискурса Дании, объединив их в единую ценностно-идеологическую политическую концепцию и сформировав на их основе аргументативную стратегию, направленную против ключевых аспектов официальной иммиграционной политики государства. Данная социально-политическая установка была представлена датским исследователем А.М. Фрайслебен в качестве «антиутопического политического дискурса» [16, s. 100], в контексте которого «параллельным» обществом называются сегрегированные иммигрантские общины, состоящие из представителей мусульманского и незападного происхождения, воспринимаемые как угроза национальному и культурному единству» [16, р. 94]. Таким образом, понятие «"параллельное" общество» предстало в качестве обозначения проблемы сегрегации мусульманских гетто, потенциально представляющей угрозу социальному единству, территориальной целостности и прочим аспектам национальной безопасности.

Современное этноконфессиональное гетто на территории Дании: основные этапы формирования общественно-политического дискурса

Ключевыми этапами в развитии общественно-политического дискурса по проблемам мусульманских гетто являются события, произошедшие в 2004, 2010, 2012 и 2018 годах. В данной связи особый интерес вызывают новогодняя речь главы правительства Дании Андерса Фог Расмуссена (2004) и ряд публичных выступлений датского премьер-министра Ларса Лёкке Расмуссена (2010—2018), позволяющих на их основе проанализировать динамику развития проблемы этноконфессионального гетто в Дании.

В своем новогоднем обращении 2004 года А.Ф. Расмуссен в качестве примера негативного аспекта социальной действительности Дании привел факт существования «иммигрантских гетто»: «Многие годы неудачной иммиграционной политики привели к созданию иммигрантских гетто, в которых мужчины являются безработными, женщины изолированы, а в семьях разговаривают только на языке своей родины» [24]. При этом наиболее уязвимая часть населения гетто, по мнению Расмуссена, — это дети, не имеющие достаточных познаний в области датского

языка и культуры, равнодушные к датским демократическим ценностям и с презрением относящиеся к датскому обществу в целом. Важно отметить, что именно в данной речи главы правительства Дании такие понятия, как «иммигрантское гетто» (*indvandreghetto*) и «геттоизация» (*ghettoisering*), впервые были на официальном уровне озвучены перед датским обществом в рамках оформившейся политической и ценностно-идеологической концепции. Данное обстоятельство придало дискуссии о проблеме гетто необходимую легитимность для разработки и осуществления решительных действий со стороны датских властей в отношении урегулирования сложившейся социальной напряженности. По итогам рождественской речи Расмуссена была опубликована «Стратегия Правительства против геттоизации»¹. В этом документе нарастающая тенденция к геттоизации описывается как серьезное препятствие на пути к интеграции в демократическое датское общество мигрантов, беженцев и их потомков, разделяющих иные культурные и религиозные ценности. Важно отметить, что для данного этапа дискурса по гетто-проблематике характерно включение в состав населения гетто-категории беженцев, которые, согласно принятому в официальных правительственных датских документах определению Статистического управления Дании, с 1991 года также попадают под понятие иммигрантов: «Иммигрантом является лицо иностранного происхождения, родители которого (или один из родителей при отсутствии информации о втором родителе) являются иностранными гражданами или родившимися за границей. При отсутствии доступной информации о родителях лицо иностранного происхождения также рассматривается как иммигрант»². Сегрегация подобных общин иммигрантов незападного происхождения преподносится в качестве проблемы физической и психологической изоляции гетто от окружающего социума, что позиционирует их как «фактические этнические анклав или параллельные общества без значительных экономических, социальных и культурных контактов с обществом в целом»³. Таким образом, государственная стратегия борьбы с геттоизацией была направлена преимущественно на решение масштабных социальных проблем в обособленных иммигрантских районах, что в итоге послужило труднопреодолимым препятствием в устранении отдельных аспектов проблемы, требующих ситуативного подхода.

Очередная волна политических дебатов в Дании приходится на 2010 год, когда занимающий в то время пост премьер-министра Ларс Лёкке Расмуссен открыл осеннюю парламентскую сессию речью о необходимости обсуждения проблемы гетто. К этому времени стало очевидно, что рекомендации по предотвращению социальных угроз со стороны неблагополучных жилых районов, разработка которых проводилась в 2004—2008 годах⁴, на практике не доказали своей эффективности или вовсе не были реализованы.

В ходе своего выступления Расмуссен отмечает особую важность демократических ценностей в структуре датского общества: «Мы на протяжении поколений строили безопасное, благополучное и свободное общество. Растущее благосостояние и материальный прогресс имеют при этом большое значение. Но наши ценно-

¹ *Regeringens strategi mod ghettoisering* (2004). URL: https://www.stm.dk/index/mainstart.asp/multimedia/Regeringens_strategi_mod_ghettoisering.pdf (дата обращения: 21.02.2020).

² *Documentation of statistics for Immigrants and Descendants*. Danmarks Statistik. URL: <https://www.dst.dk/en/Statistik/dokumentation/documentationofstatistics/immigimmig-and-descendants/statistical-presentation> (дата обращения: 22.06.2020).

³ *Regeringens strategi mod ghettoisering* (2004). P. 12.

⁴ *Fra udsat boligområde til hel bydel*. Sammenfatning, November 2008. URL: <http://docplayer.dk/205175-Fra-udsat-boligomraade-til-hel-bydel-sammenfatning-november-2008.html> (дата обращения: 13.03.2020).

сти по-прежнему занимают важное место» [25]. Основополагающие датские ценности суммируются в концепцию «укоренившейся демократии», которой, по мнению Расмуссена, противопоставляются своеобразные «белые пятна», или «дыры», (*huller*) на «датской карте». Этим понятием премьер-министр определил гетто как «места, где датских ценностей явно больше не придерживаются» [25]. Для урегулирования комплекса сложившихся проблем в отношении гетто Расмуссен указывает на необходимость принятия решительных мер: «Бесмысленно просто вкладывать больше средств на покраску фасадов. Мы будем разрушать стены. Нам нужно вернуть гетто в общество» [25]. Важно отметить, что примерно в этот же период времени подобную позицию озвучили канцлер Германии А. Меркель, президент Франции Н. Саркози и премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон [26]. В результате данного выступления правительством Дании был разработан очередной стратегический план, опубликованный под официальным названием «Гетто возвращается в общество. Борьба с параллельным обществом в Дании»⁵. По состоянию на 2010 год в Дании фиксировалось наличие 29 таких неблагополучных жилых районов, население которых вступает в конфронтацию с «датским обществом». Эти районы отвечали основным критериям гетто: большую часть населения составляли иммигранты из стран третьего мира или их потомки, фиксировались высокий уровень преступности и непричастность к рынку труда⁶. Уже в заголовке данного документа заявлена невозможность дальнейшего игнорирования со стороны государства проблемы существования «параллельного» общества в Дании как объективной угрозы безопасности и благополучия общества в целом. Приоритетным направлением в плане преобразования гетто в «нормальные» жилые районы, аналогично с ситуацией в Германии по отношению к сегрегированным мусульманским турецким общинам, правительство обозначило социально-правовую работу с детьми и молодыми людьми, составляющими большую часть жителей гетто⁷.

Тем не менее намеченный Расмуссеном план действий по «возвращению гетто в общество» столкнулся с серьезным препятствием — уже укоренившимся к тому времени идейным противопоставлением «свои — чужие», лежащим в основе взаимоотношений между параллельным и мажоритарным обществом. Антиутопический общественно-политический дискурс во многом основан на доминирующем в датском обществе представлении об обезличенном «этническом и религиозном другом» жителе гетто, который намерен подорвать основы датского общества своей приверженностью культурно-религиозным ценностям, противоречащим демократическому укладу жизни. Согласно данному представлению, подобное сопротивление установкам «датской культуры» является осознанным выбором этого «другого», несмотря на то, что изначально его самоизоляция была спровоцирована экономическим и социальным неблагополучием повседневной жизни мигрантов в Дании, изолировано проживающих в своих общинах. Кроме того, консолидированное проживание мигрантов из мусульманских стран в сегрегированных районах обеспечило почву для культивирования в обществе многочисленных, получивших широкое распространение в датском дискурсе «теорий заговора» «параллельных» обществ [16, р. 244] как одного из инструментов идеологического воздействия на социальную жизнь граждан. Общая идея подобных «заговоров» заключается в организации централизованного контроля из арабских государств над формировани-

⁵ *Ghettoen tilbage til samfundet. et opgør med parallelsamfund i Danmark*. København: Socialministeriet (2010). URL: https://www.stm.dk/multimedia/Ghettoen_tilbage_til_samfundet.pdf (дата обращения: 22.06.2020).

⁶ Ibid. P. 5.

⁷ Ibid. P. 6.

ем и скрытой деятельностью параллельных мусульманских обществ на территории Дании, представляющих прямую угрозу не только национальной, но и общеевропейской безопасности. К сценариям «заговоров» также можно отнести концепцию «государства-в-государстве», под которой подразумевается наличие на территории государства социальной группы, отделившей себя от общества большинства и придерживающейся собственных правовых и политических принципов в противовес остальному обществу [27, p. 7]. Кроме того, в аналитических обзорах дискурса о «параллельном» обществе в скандинавских странах встречаются определенные аналогии между «неблагополучными районами» и «несостоявшимися государствами», представленными группами населения, которые «изолируются и решительно выступают против законов общества, государственных и судебных властей. Например, это выражается в проявлении насильственных действий в отношении полиции при пересечении границы “территории” группы» [28, s. 21]. При этом следует отметить, что популяризация подобных концепций о потенциальных угрозах национальной безопасности и единства Дании не относится к официальной позиции государственных властей в отношении проблемы «параллельного» общества, позиционируемого лишь в качестве «зоны риска», над которой по-прежнему сохраняется общий контроль со стороны государственных органов власти.

Другой стороной рассматриваемого вопроса об интеграции мусульманского гетто в мажоритарное датское общество является проблема уважения прав меньшинств в демократическом государстве. Несмотря на то, что это один из основополагающих принципов демократии, в Дании ситуация в отношении идеи уважения прав меньшинств далеко неоднозначна. Так, события конца 2012 года показали существенную разницу в отношении к меньшинству в зависимости от того, кем оно представлено. Речь идет не о закрытых иммигрантских общинах, в которых придерживаются культурно-религиозных ценностей и правовых установок своей родины, но о самих датчанах, проживающих в «меньшинстве» в городе Коккедале с преобладающим числом жителей арабского и турецкого происхождения в первом и втором поколениях. Конфликт, произошедший в ноябре 2012 года в связи с отказом администрации города от традиционной установки рождественской елки на центральной городской площади в целях экономии городского бюджета, получил широкий общественный резонанс. Прежде всего этому способствовал состав комиссии, принявшей данное решение: большинство ее представителей, проголосовавших в поддержку данной инициативы, являлись мусульманами, тогда как непосредственно были затронуты интересы жителей города, исповедующих христианство. Социальное напряжение в контексте данного конфликта в течение продолжительного времени поддерживали датские средства массовой информации, позиционировавшие сложившуюся ситуацию в качестве осознанной провокации. В частности, это наглядно иллюстрируют заголовки на страницах газет и информационных интернет-ресурсов: «Мусульмане отменяют празднование Рождества»⁸; «Традиция рождественской елки отменена мусульманами»⁹; «Мусульмане отменяют рождественскую елку в Коккедале»¹⁰, «Мусульмане отказываются от немусуль-

⁸ *Muslimer aflyser julehygge i boligforening* // DR.dk Nyheder. 07.11.2012. URL: <http://www.dr.dk/Nyheder/Indland/2012/11/07/042932.htm> (дата обращения: 15.01.2020).

⁹ *Juletræstradition afblæst af muslimske beboere* // Berlingske Tidende. 07.11.2012. URL: <http://www.b.dk/nationalt/juletraestradiation-afblaest-af-muslimske-beboere> (дата обращения: 16.01.2020).

¹⁰ *Muslimer aflyser juletræ i Kokkedal* // Lokalavisen.dk. 07.11.2012. URL: <http://hoersholm.lokalavisen.dk/muslimer-aflyser-juletrae-i-kokkedal-/20121107/artikler/711089913/> (дата обращения: 16.01.2020).

манской елки»¹¹, «Мусульмане убивают Рождество»¹² и пр. Во многих из подобных статей особо подчеркивалось, что мусульманское большинство в городских структурах власти отказалось потратить 5000—7000 датских крон после организации празднования курбан-байрама с бюджетом в 60 000 крон. Данный факт значительно усугубил течение культурно-религиозной конфронтации, в результате которой последовало расформирование администрации города и возвращение рождественской елки на городскую площадь в качестве символа датской культуры.

Конфликтность ситуации подтверждается реакцией общественно-политических деятелей, выразивших свое мнение о сложившейся ситуации. Так, парламентский депутат от партии «Либеральный альянс» и учредитель общественного движения «Демократические мусульмане в Дании» Насер Хадер назвал рождественский инцидент в Коккедале «классическим примером того, как “параллельные” общества могут угрожать датским, демократическим ценностям» [29]. На основе этого заявления можно сделать вывод о негативном отношении к проблеме существования сегрегированного мусульманского гетто на территории Дании не только со стороны непосредственно «датского» населения страны, но и тех мусульман с иммигрантскими корнями, кто успешно интегрировался в систему датского социума, одновременно сохранив свои религиозные убеждения и приняв при этом культурно-демократические ценности западного общества. Кроме того, Хадер четко обозначил позицию, согласно которой «существует принципиальная разница между меньшинством в своей и чужой стране. Предполагается, что когда человек находится в другой стране, он должен адаптироваться к местным обычаям» [29]. В то же время депутат парламента от Датской народной партии Мария Краруп настаивала на необходимости для самих датчан придерживаться собственных общественных норм, исключая при этом уступки в пользу самобытности этнорелигиозных меньшинств: «Мы должны привыкнуть придерживаться собственных принципов и любезно дать понять мусульманам, как эти принципы действуют в Дании. Теперь вы должны к ним приспособиться, если хотите жить в нашей стране» [30].

Следует отметить, что неоднозначная оценка значимости прав меньшинств в зависимости от их национальной принадлежности, когда уважение к меньшинствам приемлемо лишь в пользу датского общества в целом, может являться существенным препятствием на пути успешной интеграции «параллельных» обществ в единый социум. В этом случае рождественская елка Коккедала интерпретируется не просто как христианский символ, претерпевший давление со стороны исламских ценностей. Скорее она представляет собой культурный и национальный символ борьбы за западные нормы и ценности, тогда как сам общественно-политический конфликт вокруг елки предстает в качестве национально-культурной борьбы за тот сценарий интеграции, который приемлем для датской культуры. Таким образом, если рассматривать проблему сегрегации мусульманских гетто с позиции культурного дискурса, становится очевидным, что такие понятия, как «ислам» и «мусульманин», воспринимаются с точки зрения выражения особой культуры, несовместимой с «датской» культурой. Это закладывается в основу коллективного способа мышления и образа действий, которыми руководствуются противостоящие стороны. В контексте культурного дискурса ключевым аспектом проблемы интеграции становится вопрос о неспособности иммигрантов адаптироваться и согласовать

¹¹ *Ballade i boligforening: Muslimer nægter ikke-muslimere juletræ* // BT. 07.11.2012. URL: <http://www.bt.dk/danmark/ballade-i-boligforening-muslimere-naegter-ikke-muslimere-juletrae> (дата обращения: 17.01.2020).

¹² *Tom Behnke i det røde felt: Muslimer slår julen ihjel* // BT. 07.11.2012. URL: <http://www.bt.dk/danmark/tom-behnke-i-det-roede-felt-muslimere-slaar-julen-ihjel> (дата обращения: 17.01.2020).

собственные ценности с «датскими» ценностями, констатирующей их культурную несовместимость с большинством населения [5]. Следовательно, случай с рождественской елкой в Коккедале указывает на наличие в датском обществе не религиозной борьбы, но культурной конфронтации, основанной на идейном противопоставлении «своих» и «чужих» ценностей.

После событий ноября-декабря 2012 года очередная волна актуализации гетто-тематики в общественно-политическом дискурсе Дании приходится на 2018 год, когда 1 января Л.Л. Расмуссен выступил с новогодней речью, вновь продолжив позиционировать гетто-проблематику с позиции идейного и культурного общественного противостояния «свой — чужой»: «По всей стране существуют “параллельные” общества. Многие люди со схожими проблемами объединяются. Это порождает отрицательную спираль. Контркультуру. В которой человек избегает ответственности, уклоняется от использования имеющихся у Дании возможностей, оставаясь вне [общества]» [31]. Кроме того, Расмуссен четко обозначил свою позицию о необходимости принятия решительных мер в борьбе с проблемами, порожденными существованием мусульманских гетто на карте Дании: «Мы должны избавиться от иллюзии, что “параллельные” общества и гетто исчезнут, если мы просто дадим им на это время» [31]. Тем не менее в документе «Дания без “параллельных” обществ — без гетто в 2030 году»¹³, опубликованном по итогам данной речи, подчеркивается, что решительные меры правительства направлены только на те жилые районы, где проблема геттоизации ощущается особенно остро. Иллюстрацией к такому подходу служит цитата: «Мы не хотим ограничивать многих, предпринимая меры против большинства. Таким образом, мы можем более жестко и последовательно действовать против “параллельных” обществ»¹⁴. При этом правительственные структуры стали ориентироваться преимущественно на четыре основные направления: 1) ликвидация или преобразование неблагополучных жилых районов в районы с более комфортными условиями проживания; 2) ужесточение контроля над жителями таких районов; 3) усиленное присутствие полиции и ужесточение мер наказания за совершаемые правонарушения с целью борьбы с преступностью и повышения уровня безопасности в районах гетто; 4) финансирование мер по улучшению качества жизни детей и молодежи. Избранный правительством Расмуссена курс на решительную борьбу с «параллельным» обществом на территории Дании позволил представить непосредственный список районов, характеризующихся как гетто, в который впервые была включена особая категория — «жесткие гетто» (*hårde ghettoer*).

Критерии определения этноконфессиональных гетто

Понятие «жесткого гетто» официально введено для обозначения неблагополучных жилых районов, которые находятся в гетто-списке свыше четырех лет. Данные ежегодно публикуются в Дании 1 декабря, и в соответствии с ними на 2019 год в стране зафиксировано 28 неблагополучных жилых районов, из которых 15 являются «жесткими гетто»¹⁵. Основным критерием определения районов гетто является наличие жилой территории с населением не менее 1000 человек, среди которых доля незападных иммигрантов и их потомков составляет свыше 50%. При

¹³ *Ét Danmark uden parallelsamfund — Ingen ghettoer i 2030*. København: Økonomi-og Indenrigsministeriet. 2018. URL: <https://www.regeringen.dk/nyheder/2018/ghettoudspil/> (дата обращения: 23.06.2020).

¹⁴ *Ibid.* P. 7.

¹⁵ *Liste over ghettoområder pr. 1. december 2019*. P. 2. URL: <https://www.trm.dk/publikationer/2019/liste-over-ghettoomraader-pr-1-december-2019/> (дата обращения: 23.06.2020).

этом должны существовать как минимум два из четырех условий: 1) доля жителей в возрасте 18—64 лет, не имеющих отношения к рынку труда или сфере образования, превышает 40%; 2) доля жителей, осужденных за правонарушения в соответствии с Уголовным кодексом Дании как минимум в три раза превышает средний уровень по стране; 3) доля жителей с образованием не выше базового превышает 60%; 4) средний валовой доход налогоплательщиков жилого района в возрасте 15—64 лет составляет менее 55% от среднего показателя, характерного для данного региона¹⁶. В зависимости от этих показателей жилые районы могут входить в список гетто или исключаться из него. К примеру, в сравнении с 2018 годом в 2019 году в списке гетто были зафиксированы два новых района, тогда как три из него вышли. Однако в отношении районов, которые попадают в категорию «жестких гетто», если находятся в списке более пяти лет, данный временной критерий указывает на тенденцию к ежегодному увеличению их численности среди остальных гетто.

Следует отметить, что перечисленные критерии прочно вошли в датский общественно-политический дискурс и регулярно подвергаются критике как правительственной оппозицией, так и непосредственными жителями гетто. Среди политической оппозиции наиболее последовательно свое негативное отношение к формулировке критериев выражают левая партия «Красно-зеленая коалиция» и «Альтернатива» [32, р. 47]. Представители оппозиции особо подчеркивают, что критерии, определяющие границы и выборку гетто, являются довольно произвольными и зачастую носят случайный характер, вплоть до того, что в некоторых случаях лишь от пары десятков жителей зависит, войдет ли данный район в список.

Анализ вышеизложенных критериев в отношении жителей таких районов демонстрирует практику искусственного создания таких жилых пространств, которые обесценивают и усредняют личные качества человека. К примеру, своим опытом давления общественно-политической системы на личность поделилась датская художница и общественная активистка Айша Амин, родившаяся и выросшая в Геллерупе — одном из районов, вошедших в число «жестких гетто». Амин опубликовала статью, в которой отмечает: «Имя и цвет кожи неожиданно указывают на то, улучшаете вы или ухудшаете район, в котором проживаете. Вы становитесь процентом, а не человеком» [33, р. 6]. Подобный личный опыт демонстрирует, что жители гетто для государства выступают в качестве негативных чисел, формирующих таблицы критериев для списков этноконфессиональных «параллельных» обществ. Кроме того, Амин выражает сомнение в целесообразности одного из ключевых гетто-критериев: «Большинство из нас могут иметь незападное происхождение, но все мы являемся гражданами Дании. Что предполагается доказать такой статистикой? Что стыдно иметь незападное происхождение?» [33, р. 8]. Неприятие многими жителями гетто сложившейся системы критериев оценивания районов по их принадлежности к этому списку повлекло за собой целый ряд общественных протестов. К наиболее актуальным из них за последнее время можно отнести послание жителей Тингбьерга (жилого района в Копенгагене из числа «жестких гетто») министру жилищного строительства Кааре Дибваду с призывом отказаться от опубликования официальных списков гетто¹⁷. Основная идея данного требования, подписанного более чем 6000 датчан, заключается в утверждении, что жители так называемых гетто не являются «вирусом в датском обществе», но равноправными гражданами,

¹⁶ *Liste over ghettoområder* pr. 1. december 2019. P. 1. URL: <https://www.trm.dk/publikationer/2019/liste-over-ghettoomraader-pr-1-december-2019/> (дата обращения: 23.06.2020).

¹⁷ *Opråb til regeringen. Unge i Tingbjerg samler underskrifter mod ghettolisten* // Arbejderens, 27.11.2019. URL: <https://arbejderens.dk/indland/unge-i-tingbjerg-samler-underskrifter-mod-ghettolisten> (дата обращения: 27.03.2020).

которых подобные правительственные акты против «параллельного» общества делают нежелательными в стране, ставшей им домом. Тем не менее власти Дании, как правило, не вступают в открытые дискуссии с гражданами, выражающими общественные протесты, придерживаясь собственной жесткой политической стратегии, направленной на формирование целостного датского общества и ликвидацию этноконфессионального гетто как объективного препятствия на этом пути.

Выводы

Становление концепции гетто как этноконфессионального параллельного общества в датском общественном дискурсе приходится на вторую половину XVII века связано с официальным разрешением правительственных властей формировать еврейские общины на территории крупных городов Датского королевства. Однако проблема гетто как источника социальной напряженности на протяжении нескольких столетий не получала широкого общественного обсуждения до начала прошлого века, несмотря на негативное отношение принимающего датского общества к районам обособленного проживания этнорелигиозных иммигрантских меньшинств. Проведенный анализ общественно-политического дискурса, связанного с наличием потенциальных угроз для национальной безопасности со стороны сегрегированных гетто, раскрывает актуализацию исследуемой проблематики к середине 1960-х годов и резкое возрастание интереса к ней в начале 2000-х годов. Эскалация социальной напряженности в 1970-х годах напрямую обусловлена сложностями и сопутствующими неудачами государственной интеграционной политики в отношении трудовых мигрантов из стран третьего мира, высокая численность которых повлекла за собой целый спектр социально-жилищных проблем, усугубляющихся с ростом численности населения таких районов на протяжении последующих десятилетий. Именно в этот период начинают формироваться обособленные мусульманские анклав, отождествляемые с «параллельным» обществом, жители которого разделяют принципиально иные культурные и религиозно-правовые ценности. Данный фактор является ключевым при рассмотрении проблемы возникновения угрозы общественной и территориальной целостности страны.

Кризис политики мультикультурализма, произошедший в странах Западной и Центральной Европы послужил мощным импульсом в развитии общественно-политического дискурса в отношении этнорелигиозных гетто, которые к тому моменту стали индикатором несостоятельности официальной иммиграционной политики Дании. В политических дебатах сегрегированные мусульманские общины, представленные иммигрантами и их потомками, начали широко эксплуатироваться в качестве основного аргумента оппозиционных сил в их противостоянии официальным властям, не способным успешно реализовать интеграционные процессы внутри государства, что впоследствии сформировало новую идейно-политическую стратегию. Таким образом, мусульманские гетто стали ассоциироваться с прямой угрозой национальному единству Дании, ее территориальной целостности и, как следствие, международной стабильности в регионе.

Анализ публичного выступления главы правительства Дании в 2004 году показал, что признание на официальном уровне проблемы иммигрантского гетто и процессов геттоизации происходит из необходимости пересмотра жилищного законодательства, которое не может решить проблему существования сегрегированных районов, и иммиграционной политики, доказавшей свою неэффективность в вопросе интеграции незападных иммигрантов в единое датское общество. Однако начальный пакет мер спустя несколько лет оказался недостаточным, чтобы противостоять угрозам датским демократическим ценностям как основы общества. Кроме

того, широкое развитие получила концепция социального противостояния, основанная на обоюдном неприятии «этнического и религиозного другого» и датского общества в целом, а также неравноценности прав меньшинств в демократическом обществе в зависимости от того, какой категорией населения представлено данное меньшинство. Провозглашенная правительством стратегия принятия решительных мер по возвращению этноконфессионального гетто в единое датское общество привела в 2010 году к формированию списков районов гетто, критерии составления которых вызвали широкий общественный резонанс. В частности, много вопросов вызвала классификация районов гетто в качестве места проживания лиц незападного происхождения со стороны политической оппозиции и непосредственных жителей данных районов. Несмотря на приоритетное направление социально-правовой работы государственных структур с детьми и молодежью, нацеленной на улучшение условий их интеграции в датское общество, именно молодежь участвует в наибольшем количестве социальных протестов, нацеленных на ликвидацию списков гетто как фактора, мешающего ее личностному развитию и успешной социализации в датском обществе. Несмотря на это, правительство Дании демонстрирует готовность неуклонно двигаться в направлении упразднения сегрегированных этноконфессиональных «параллельных» обществ на территории государства с постепенным ужесточением контроля и мер противодействия в отношении районов, зарекомендовавших себя в качестве «жестких гетто».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта «Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен “параллельных” обществ в системе международно-политических отношений», № 19-18-00054.

Список литературы

1. Joppke C. Civic integration in Western Europe: three debates // *West European Politics*. 2017. Vol. 40, № 6. P. 1153–1176. doi: 10.1080/01402382.2017.1303252.
2. Staver A.B., Brekke J.-P., Sørholt S. Scandinavia's segregated cities — policies, strategies and ideals. Oslo, 2019. URL: <https://fagarkivet.oslomet.no/nb/item/asset/dspace:13292/2019-8.pdf> (дата обращения: 13.12.2019).
3. Simonsen K.B. Ghetto—Society—Problem: A Discourse Analysis of Nationalist Othering // *Studies of Ethnicity and Nationalism*, 2016. Vol.16, № 1. P. 83—99. doi: 10.1111/sena.12173.
4. Baldi G., Goodman S.W. Migrants into Members: Social Rights, Civic Requirements, and Citizenship in Western Europe // *West European Politics*, 2015. Vol. 38, № 6. P. 1152—1173. doi: 10.1080/01402382.2015.1041237.
5. Jensen T.G., Weibel K., Vitus K. 'There is no racism here': public discourses on racism, immigrants and integration in Denmark // *Journal Patterns of Prejudice*. 2017. Vol. 51, № 1. P. 51—68. doi: 10.1080/0031322X.2016.1270844.
6. Mouritsen P., Olsen T.V. Denmark between liberalism and nationalism // *Ethnic and Racial Studies*. 2013. Vol. 36, № 4. P. 691—710. doi: 10.1080/01419870.2011.598233.
7. Rytter M. Writing Against Integration: Danish Imaginaries of Culture, Race and Belonging // *Ethnos*. 2019. Vol. 84, № 4. P. 678—697. doi: 10.1080/00141844.2018.1458745.
8. Green-Pedersen C., Odmalm P. Going different ways? Right-wing parties and the immigrant issue in Denmark and Sweden // *Journal of European Public Policy*. 2008. Vol. 15, № 3. P. 367—381. doi: 10.1080/13501760701847564.
9. Hernes V. Cross-national convergence in times of crisis? Integration policies before, during and after the refugee crisis // *West European Politics*, 2018. Vol. 41, № 6. P. 1305—1329. doi: 10.1080/01402382.2018.1429748.
10. Larsen B.R. Becoming Part of Welfare Scandinavia: Integration through the Spatial Dispersal of Newly Arrived Refugees in Denmark // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2011. Vol. 37, № 2. P. 333—350. doi: 10.1080/1369183X.2011.521337.

11. *Anderson J., Antalíková R.* Framing (implicitly) matters: The role of religion in attitudes toward immigrants and Muslims in Denmark // *Scandinavian Journal of Psychology*, 2014. Vol. 55, № 6. P. 593—600. doi: 10.1111/sjop.12161.
12. *Jensen T.G.* To Be 'Danish', Becoming 'Muslim': Contestations of National Identity? // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018. Vol. 34, № 3. P. 389—409. doi: org/10.1080/13691830701880210.
13. *Farkas J., Schou J., Neumayer C.* Platformed antagonism: racist discourses on fake Muslim Facebook pages // *Critical Discourse Studies*, 2018. Vol. 15, № 5. P. 463—480. doi: 10.1080/17405904.2018.1450276.
14. *Rytter M., Pedersen M.H.* A decade of suspicion: Islam and Muslims in Denmark after 9/11 // *Ethnic and Racial Studies*. 2014. Vol. 37, № 13. P. 2303—2321. doi: 10.1080/01419870.2013.821148.
15. *Weinholt K.* Antisemitisme // *Den Store Danske Gyldendals åbne encyklopædi*, 2017. URL: http://www.denstoredanske.dk/Sprog,_religion_og_filosofi/Religion_og_mystik/I%C3%B8det_ommen/antisemitisme (дата обращения: 18.11.2019).
16. *Freiesleben A.M.* Et Danmark af parallelsamfund: Segregering, ghettoisering og social sammenhængskraft: Parallelsamfundet i dansk diskurs 1968—2013 — fra utopi til dystopi. København, 2016. URL: https://static-curis.ku.dk/portal/files/160573902/Ph.d._2016_Freiesleben.pdf (дата обращения: 02.08.2019).
17. *Thing M.* De russiske jøder i København 1882—1943. Oslo, 2008.
18. *Lund H.* Flygtninge og Indvandrere 1850—1980. København, 2008.
19. *Jensen B.* De fremmede i dansk avisdebat fra 1870'erne til 1990'erne. København, 2000.
20. *Duelund P.* Parallelsamfund som ny politisk strategi // *Dagbladet Information*, 1968. URL: <https://www.information.dk/kultur/2016/05/taler-taler-taler-parallelsamfund-ved-taler> (дата обращения: 15.02.2019).
21. *Duelund P.* På vej mod et nyt samfund. Høsts Debatbog No 4. København, 1971.
22. *Heitmeyer W.* Für türkische Jugendliche in Deutschland spielt der Islam eine wichtige Rolle. Erste empirische Studie: 27 Prozent befürworten Gewalt zur Durchsetzung religiöser Ziele // *Zeit Online*, 1996. URL: <http://www.zeit.de/1996/35/heimmey.txt.19960823.xml> (дата обращения: 11.09.2019).
23. *Camre M.* Debat: Tørklædet er brud på kvinders ret // *Information*. 1999. URL: <https://www.information.dk/debat/1999/08/toerklaedet-brud-paa-kvindens-ret> (дата обращения: 15.07.2019).
24. *Rasmussens A.F.* Statsminister Anders Fogh Rasmussens Nytårstale 2004 // *Statsministeriet*, 2004. URL: http://www.stm.dk/_p_7458.html (дата обращения: 17.11.2019).
25. *Rasmussen L.L.* Statsminister Lars Løkke Rasmussens tale ved Folketingets åbning tirsdag den 5. oktober 2010 // *Statsminister*. 2010. URL: http://www.stm.dk/_p_13260.html (дата обращения: 17.11.2019).
26. *Пронина Т.С.* Многонациональность «против» мультикультурности: сегрегация этнорелигиозных общин // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2019. № 3. С. 146—158.
27. *Hiscott W.* "Parallel Societies" — A Neologism gone Bad // *Prague: Multicultural Center Prague*. 2015. URL: http://aa.ecn.cz/img_upload/3bfc4ddc4_8d13ae0415c78ceae108bf5/WHiscott_Parallel_Societies.pdf (дата обращения: 03.04.2019).
28. *Egge M., Solhjell R.* Parallelsamfund: En del av den norske virkeligheten? Technical Report. Oslo, 2018. URL: <https://brage.bibsys.no/xmlui/handle/11250/2498197> (дата обращения: 15.07.2019).
29. *Khader N.* Juletræssagen er ikke en bagatel // *Religion.dk*, 2012. URL: <http://www.religion.dk/kommentaren/khader-juletr%C3%A6ssagen-er-ikke-en-bagatel> (дата обращения: 25.05.2019).
30. *Krørup M.* Er det praktisk at give efter for muslimske særkrav? // *Berlingske Tidende*. 2013. URL: <http://www.mariekrorup.dk/33303274> (дата обращения: 16.06.2019).
31. *Rasmussen L.L.* Lars Løkke Rasmussens nytårstale 1. januar 2018 // *Regeringen.dk*. 2018. URL: <https://www.regeringen.dk/statsministerens-nytaarstale/lars-loekke-rasmussens-nytaarstale-1-januar-2018/> (дата обращения: 16.01.2020).
32. *Olsen S.H.* A Place Outside Danish Society Territorial Stigmatisation and Extraordinary Policy Measures in the Danish 'Ghetto'. Lund, 2019. URL: <https://lup.lub.lu.se/student-papers/search/publication/8981758> (дата обращения: 08.01.2020).
33. *Amin A.* Being a percentage rather than a human being in Denmark // *The Funambulist: Queers, Feminists and Interiors*. 2017. № 13. P. 6—8. URL: <https://thefunambulist.net/magazine/queers-feminists-interiors> (дата обращения: 15.09.2019).

Об авторах

Екатерина Юрьевна Талалаева, научный сотрудник Центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Россия.

E-mail: aikatarin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6007-5202>

Татьяна Сергеевна Пронина, доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник Центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Россия.

E-mail: tania_pronina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8902-9154>

ETHNO-CONFESSIONAL IMMIGRANT GHETTOS AS A NATIONAL SECURITY PROBLEM IN DENMARK'S SOCIAL AND POLITICAL DISCOURSE

E. Yu. Talalaeva

T. S. Pronina

Pushkin Leningrad State University
10 Petersburgskoe shosse, Pushkin, St Petersburg, 196605, Russia

Received 29 April 2020
doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-4
© Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S., 2020

The ghettoisation of immigrant areas in Denmark is a lengthy and objective process of the emergence of ethno-religious 'parallel societies' in the state. Cultural and religious principles that are often at odds with the democratic values of Danish society guide the actions of ghetto residents. Danish social and political discourse pictures this ideological difference between the host society and Muslim immigrant minorities as a potential threat to Denmark's national security caused by a combination of political, social, and economic factors. The ensuing social disunity and violation of the country's territorial integrity take the problem to a regional and international level. Through analysing public speeches of Danish social and political actors, this article reconstructs key stages in the development of parallel societies in Denmark. Another focus is official government strategies to prevent isolated immigrant areas from turning into ghettos: the Government's Strategy against Ghettoisation (2004), Return of the Ghetto to Society: Confronting Parallel Societies in Denmark (2010), and One Denmark without Parallel Societies: No Ghettos in 2030 (2018). The escalation of the social conflict calls for the Danish authorities to take decisive action against the enclavisation of segregated immigrant communities. This study employs discourse analysis to evaluate the efficiency and identify the shortcomings of government action to integrate ethno-confessional minorities into society. Particular attention is paid to analysing public reaction to the criteria for identifying ghettos as well as to annual publications of official ghetto lists.

Keywords:

parallel society, ethno-religious immigrant ghetto, Muslim communities, Denmark's immigration policy, Denmark's national security

References

1. Joppke, C. 2017, Civic integration in Western Europe: three debates, *West European Politics*, vol. 40, no. 6, p. 1153—1176. doi: 10.1080/01402382.2017.1303252.
2. Staver, A.B., Brekke, J.-P., Søholt, S. 2019, *Scandinavia's segregated cities—policies, strategies and ideals*, Oslo, Norwegian Institute for Urban and Regional Research, available at: <https://fagarkivet.oslomet.no/nb/item/asset/dspace:13292/2019-8.pdf> (accessed on December 13, 2019).
3. Simonsen, K.B. 2016, Ghetto—Society—Problem: A Discourse Analysis of Nationalist Othering, *Studies of Ethnicity and Nationalism*, vol.16, no. 1, p. 83—99. doi: 10.1111/sena.12173.
4. Baldi, G., Goodman, S.W. 2015, Migrants into Members: Social Rights, Civic Requirements, and Citizenship in Western Europe, *West European Politics*, vol. 38, no. 6, p. 1152—1173. doi: 10.1080/01402382.2015.1041237.
5. Jensen, T.G., Weibel, K., Vitus, K. 2017, 'There is no racism here': public discourses on racism, immigrants and integration in Denmark, *Journal Patterns of Prejudice*, vol. 51, no. 1, p. 51—68. doi: 10.1080/0031322X.2016.1270844.
6. Mouritsen, P., Olsen, T.V. 2013, Denmark between liberalism and nationalism, *Ethnic and Racial Studies*, vol. 36, no. 4, p. 691—710. doi: 10.1080/01419870.2011.598233.
7. Rytter, M. 2019, Writing Against Integration: Danish Imaginaries of Culture, Race and Belonging, *Ethnos*, vol. 84, no. 4, p. 678—697. doi: 10.1080/00141844.2018.1458745.
8. Green-Pedersen, C., Odmalm, P. 2008, Going different ways? Right-wing parties and the immigrant issue in Denmark and Sweden, *Journal of European Public Policy*, vol. 15, no. 3, p. 367—381. doi: 10.1080/13501760701847564.
9. Hernes, V. 2018, Cross-national convergence in times of crisis? Integration policies before, during and after the refugee crisis, *West European Politics*, vol. 41, no. 6, p. 1305—1329. doi: 10.1080/01402382.2018.1429748.
10. Larsen, B.R. 2011, Becoming Part of Welfare Scandinavia: Integration through the Spatial Dispersal of Newly Arrived Refugees in Denmark, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 37, no. 2, p. 333—350. doi: 10.1080/1369183X.2011.521337.
11. Anderson, J., Antalíková, R. 2014, Framing (implicitly) matters: The role of religion in attitudes toward immigrants and Muslims in Denmark, *Scandinavian Journal of Psychology*, vol. 55, no. 6, p. 593—600. doi: 10.1111/sjop.12161.
12. Jensen, T.G. 2018, To Be 'Danish', Becoming 'Muslim': Contestations of National Identity? *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 34, no. 3, p. 389—409. doi: 10.1080/13691830701880210.
13. Farkas, J., Schou, J., Neumayer, C. 2018, Platformed antagonism: racist discourses on fake Muslim Facebook pages, *Critical Discourse Studies*, vol. 15, no. 5, p. 463—480. doi: 10.1080/17405904.2018.1450276.
14. Rytter, M., Pedersen, M.H. 2014, A decade of suspicion: Islam and Muslims in Denmark after 9/11, *Ethnic and Racial Studies*, vol. 37, no. 13, p. 2303—2321. doi: 10.1080/01419870.2013.821148.
15. Weinholt, K. 2017, Antisemitisme, *Den Store Danske Gyldendals åbne encyklopædi*, available at: http://www.denstoredanske.dk/Sprog,_religion_og_filosofi/Religion_og_mystik/J%C3%B8dedommen/antisemitisme (accessed on November 18, 2019).
16. Freiesleben, A.M. 2016, *Et Danmark af parallelsamfund: Segregering, ghettoisering og social sammenhængskraft: Parallelsamfundet i dansk diskurs 1968—2013 — fra utopi til dystopi*, København, Københavns Universitet, Det Humanistiske Fakultet, available at: https://static-curis.ku.dk/portal/files/160573902/Ph.d._2016_Freiesleben.pdf (accessed on August 02, 2019).
17. Thing, M. 2008, *De russiske jøder i København 1882—1943*, Oslo, Gyldendal N.F., 656 p.
18. Lund, H. 2008, *Flygtninge og Indvandrere 1850—1980*, København, Forlaget Palle Fogtdal A/S, 399 p.
19. Jensen, B. 2000, *De fremmede i dansk avisdebat fra 1870'erne til 1990'erne*, København, Rockwool Fonden, 527 p.
20. Duelund, P. 1968, *Parallelsamfund som ny politisk strategi*, Dagbladet Information, available at: <https://www.information.dk/kultur/2016/05/taler-taler-taler-parallelsamfund-ved-taler> (accessed on February 15, 2019).
21. Duelund, P. 1971, *På vej mod et nyt samfund. Høsts Debatbog No 4*, København, Høst, 232 p.

22. Heitmeyer, W. 1996, Für türkische Jugendliche in Deutschland spielt der Islam eine wichtige Rolle. Erste empirische Studie: 27 Prozent befürworten Gewalt zur Durchsetzung religiöser Ziele, *Zeit Online*, available at: <http://www.zeit.de/1996/35/heitmey.txt.19960823.xml> (accessed on September 11, 2019).
23. Camre, M. 1999, Debat: Tørklædet er brud på kvinders ret, *Information*, available at: <https://www.information.dk/debat/1999/08/toerklædet-brud-paa-kvindes-ret> (accessed on July 15, 2019).
24. Rasmussens, A.F. 2004, Statsminister Anders Fogh Rasmussens Nytårstale 2004, *Statsministeriet*, available at: http://www.stm.dk/_p_7458.html (accessed on November 17, 2019).
25. Rasmussen, L.L. 2010, Statsminister Lars Løkke Rasmussens tale ved Folketingets åbning tirsdag den 5. oktober 2010, *Statsminister*, available at: http://www.stm.dk/_p_13260.html (accessed on November 17, 2019).
26. Pronina, T.S. 2019, Multinationality versus multiculturalism: segregation of ethno-religious communities, *Bulletin of the Pushkin Leningrad State University*, no. 3, p. 146—158 (In Russ).
27. Hiscott, W. 2015, *Parallel Societies — A Neologism gone Bad*, Prague: Multicultural Center Prague, available at: http://aa.ecn.cz/img_upload/3bfc4ddc4_8d13ae0415c-78ceae108bf5/WHiscott_Parallel_Societies.pdf (accessed on April 03, 2019).
28. Egge, M., Solhjell, R. 2018, *Parallellsamfunn: En del av den norske virkeligheten? Technical Report*, Oslo, Politihøgskolen, available at: <https://brage.bibsys.no/xmlui/handle/11250/2498197> (accessed on July 15, 2019).
29. Khader, N. 2012, Juletræssagen er ikke en bagatel, *Religion.dk*, available at: <http://www.religion.dk/kommentaren/khader-juletr%C3%A6ssagen-er-ikke-en-bagatel> (accessed on May 25, 2019).
30. Krarup, M. 2013, Er det praktisk at give efter for muslimske særkrav? *Berlingske Tidende*, available at: <http://www.mariekRARUP.dk/33303274> (accessed on June 16, 2019).
31. Rasmussen, L.L. 2018, Lars Løkke Rasmussens nytårstale 1. januar 2018, *Regeringen.dk*, available at: <https://www.regeringen.dk/statsministerens-nytaarstale/lars-loekke-rasmussens-nytaarstale-1-januar-2018/> (accessed on January 16, 2020).
32. Olsen, S.H. 2019, *A Place Outside Danish Society Territorial Stigmatisation and Extraordinary Policy Measures in the Danish 'Ghetto'*, Lund, Lund University Libraries, available at: <https://lup.lub.lu.se/student-papers/search/publication/8981758> (accessed on January 08, 2020).
33. Amin, A. 2017, Being a percentage rather than a human being in Denmark, *The Funambulist: Queers, Feminists and Interiors*, no. 13, p. 6—8, available at: <https://thefunambulist.net/magazine/queers-feminists-interiors> (accessed on September 15, 2019).

The authors

Ekaterina Yu. Talalaeva, Research Fellow, Centre for Religious and Ethnopolitical Studies, Pushkin Leningrad State University, Russia.

E-mail: aikatarin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6007-5202>

Prof. Tatiana S. Pronina, Senior Researcher, Centre for Religious and Ethnopolitical Studies, Pushkin Leningrad State University, Russia.

E-mail: tania_pronina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8902-9154>